

Версия как поступок

Виктор Левашов. "Убийство Михоэлса", "М.: "Олимп", 2002

13 января отмечался день памяти Соломона Михоэлса. Уже пятьдесят пятый. На сей раз обошлось без громких слов по поводу скорбной "круглой" даты. Да и зачем они нужны, если интерес к судьбе Михоэлса и так сам по себе велик.

И это несмотря на то, что от его наиболее знаменитых сценических созданий – Тевье-молочника, Вениамина из "Путешествия Вениамина Третьего" в Святую землю, короля Лира – последующим поколениям достались лишь легенды пополам с рассказами о загадочных обстоятельствах гибели в заснеженном Минске января сорок восьмого.

В книге Матвея Гейзера "Михоэлс. Жизнь и смерть" приводятся слова Анастасии Потоцкой – вдовы артиста, режиссера, художественного руководителя Государственного еврейского театра (ГОСЕТ), сказанные ею в 1980 году у могилы следователя Льва Шейнина: "Здесь, хранится и, наверно, уже навсегда, тайна убийства Михоэлса."

Но тема эта притягивала и продолжает притягивать многих. Александра Борщаговского, братьев Вайнеров, Геннадия Костырченко, того же Матвея Гейзера, а также Виктора Левашова, чью книгу во втором, дополненном издании представил Израильский культурный центр.

В течение двух часов продолжался напряженный диалог автора со своими потенциальными читателями. Некоторые из присутствовавших в зале еще успели увидеть Михоэлса на сцене, и, судя по репликам, эти впечатления остались одними из самых дорогих в их жизни.

Для Левашова же актерские свершения Михоэлса – объективная данность. Писателю было неинтересно смаковать чужие наблюдения и выводы. И он выбрал для своего повествования жанр романа, своего рода литературной фантазии, основанной, однако, на подлинных документах. Главным героем этой книги явился не Михоэлс-художник, а Михоэлс-гражданин, председатель президиума Еврейского антифашистского комитета, озабоченный ответственностью за судьбу своего народа.

Левашов отвергает широко распространенную и сугубо эмоциональную версию совершенного властью

преступления, согласно которой, причина – в антисемитизме Сталина. По мнению автора, эта версия слишком примитивна. И он выдвигает на первый план другие аргументы, утверждая, что Михоэлс был не только актером, но и умным, проницательным политиком, способным предугадывать обстоятельства на несколько "ходов" вперед, распознавать сталинские провокации, например, идею создания в Крыму Еврейской союзной республики.

Подобный взгляд на личность Михоэлса непривычен, ведь его всегда воспринимали прежде всего человеком искусства. Оттого по-новому читаются и факты, касающиеся творчества. Например, страницы о сложной внутренней жизни ГОСЕТа, над которым уже нависла угроза закрытия. О спектаклях, обладавших способностью вдруг поворачиваться неожиданными гранями, наконец, о том, как Соломон Михоэлс пытается пусть по-актерски, но беспощадно точно понять сущность Сталина, разговор которому очень скоро вынесет сама История.

Свой личный суд вершит над "вождем" и автор книги, предъявляя свой личный счет за многочисленные злодеяния.

Этот своеобразный писательский апарт оказывается чрезвычайно волнующим, заставляя смотреть на книгу как на важный поступок в жизни самого автора, все предки которого – кубанские казаки. Впрочем, так ли уж это важно.

Майя ФОЛКИНШТЕЙН

Кубанцыра, 2003 - 27 февр. - 5 марта - 19.9